

Сергей РАЗИН

**«ПЕРЕСТРОЙКА» И «СМУТА»
НА МЕЖДУНАРОДНОМ «КРУГЛОМ СТОЛЕ»
«НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»**

Сегодня в исторической науке сложилось устойчивое представление, согласно которому новый переходный этап отечественной истории, начавшийся с объявления М.С. Горбачевым в апреле 1985 г. политики «Перестройки», имеет существенное сходство с ситуациями, в которых российское общество находилось в начале XVII и в начале XX века. Когда и как он завершится — покажет будущее. Однако при прогнозировании дальнейшего развития событий должен учитываться исторический опыт прошлых смут. В этом были едины участники состоявшегося 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН Международного «круглого стола» «Народ и власть в российской Смуте»¹. Инициаторами его проведения выступили главный редактор журнала «Власть» кандидат исторических наук *А.О. Лапшин*, координатор проекта «Народ и власть в российской Смуте» *С.Ю. Разин* (ИГУМО и ИТ) и кандидат исторических наук, доцент *П.П. Марченя* (МосУ МВД России и РГГУ). Ведущим «круглого стола» был доктор исторических наук *В.П. Булдаков* (ИРИ РАН).

Открывая «круглый стол», *В.П. Булдаков* отметил, что чем больше знакомишься с материалами, относящимися к Смутному времени и Октябрьской революции, тем больше убеждаешься в их сходстве с тем, что мы пережили в конце XX века и переживаем до сих пор. Сложилось представление, что Россия за свою историю пережила три мощнейших системных кризиса, причем из последнего, строго говоря, мы еще не вышли². Та же

¹ См., например: *Булдаков В., Марченя П., Разин С.* Международный «круглый стол» «Народ и власть в российской Смуте» // *Власть*. 2010. № 4—7 (далее — Народ и власть) (см. на сайте журнала «Власть». Режим доступа: <http://www.isras.ru/authority.html>).

² *Булдаков В., Марченя П., Разин С.* Указ. соч. Ч. 1 // *Власть*. 2010. № 4. С. 16.

мысль неоднократно высказывалась им и ранее. В одной из своих статей он писал: «Мне уже не раз приходилось писать, что до сих пор мы можем говорить лишь о трех полномасштабных (системных) кризисах империи: Смута начала XVII века, революционный взрыв начала XX века, нынешнее состояние России»³.

Продолживший дискуссию доктор исторических наук *В.Д. Соловей* (МГИМО) отметил, что с точки зрения макроисторической социологии в истории России было три революции: Смута XVII века, революция начала XX века и современная революция, начавшаяся на рубеже 80—90-х гг. Эта революция не завершилась. Но это не означает, что ее новая волна начнется со дня на день, постольку поскольку сегодня отсутствуют необходимые для ее начала демографические факторы⁴.

По мнению доктора философских наук *Б.Ф. Славина* («Горбачев-фонд»), идея перестройки заключалась в том, чтобы превратить казарменный социализм в демократический. В 1985—1986 гг. была полная поддержка идеи перестройки и ее лидера со стороны основной массы советского народа, включая интеллигенцию. В итоге многое в процессе этих преобразований удалось сделать. Достаточно назвать полную реабилитацию незаконно осужденных в годы сталинизма, переход к смешанной экономике, знаменитую гласность и отмену цензуры, осуществление ряда политических свобод, переход к многопартийности, проведение свободных альтернативных выборов, развитие экономической демократии, окончание холодной войны и т.д. Славин считает, что Горбачев и его соратники совершили много ошибок. Они опоздали с экономической и политической реформами, недооценив при этом материальной заинтересованности и научно-технического фактора в улучшении жизни народа. В целом Горбачев и его команда не смогли осуществить стратегию, которую они изначально провозгласили, и потерпели политическое поражение. По мнению Славина, современная революция, начавшаяся перестройкой, не завершилась. Сегодня еще не выявился субъект второй волны этой революции. Но он обязательно появится⁵.

В выступлении доктора экономических наук *А.И. Колганова* (МГУ) также прозвучала мысль о незавершенности современной революции. Революция не завершена потому, что она так и не удовлетворила интересы большей части общества. Однако оратор согласился с мнением Соловья

---

³ Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 32 (далее — Российские смуты).

⁴ Народ и власть. Ч. 1. С. 17.

⁵ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. «Народ и власть в российской Смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России. Международный «круглый стол» Института социологии РАН и журнала «Власть» // Вестник архивиста. 2010. № 3. <http://www.vestarchive.ru/content/view/1083/55/> (далее — Прошлое и настоящее).

о том, что новая волна начнется нескоро. Сегодня конфликтный потенциал существует в скрытой форме. Для его актуализации потребуется время. Вторая волна революции начнется тогда, когда произойдет смена поколений россиян. Тогда «мины замедленного действия», заложенные в современную общественную систему, неизбежно взорвутся, поскольку сегодня отсутствуют механизмы решения важнейших проблем, стоящих перед обществом⁶.

Доктор экономических наук *В.Л. Шейнис* (ИМЭМО РАН) считает, что уяснение уроков переломных периодов нашей истории остается исключительно актуальной задачей. На его взгляд, главный урок истории для общества, пережившего XX век, заключается в том, что эволюция предпочтительнее революции. По мнению Шейниса, перестройка была вызвана общим кризисом государственного социализма, который к середине 80-х гг. зашел слишком далеко. Перестройку он рассматривает как попытку Горбачева и его соратников произвести демонтаж авторитарного режима и перевод вектора развития страны на путь эволюции. Однако цели, которые ставили перед собой творцы перестройки, не были достигнуты. Задача выхода на магистраль современной цивилизации оказалась нерешенной. Более того, в отличие от стран первого и второго эшелона послевоенной демократической волны, сегодня вектор развития России вновь повернулся в сторону реставрации авторитарных структур⁷.

П.П. Марченя, так же, как и Булдаков, высказал мысль о типологическом сходстве трех «Великих смут» российской истории (Смута XVII века, Смута 17-го года и современная Смута), выделение которых уже можно считать состоявшимся фактом нашей историографии. По мнению Марченя, Смута XVII века, задавшая ключевые параметры всей российской истории Нового времени, может быть признана парадигмальной. Она началась с того, что были сотрясены основы средневекового Московского царства. Но затем последовало отторжение прозападнических элит, которые пытались сотрудничать с интервентами и навязать России «чужой» путь развития. В конечном итоге (в долгосрочной исторической ретроспективе) все закончилось тем, что Россия была подтолкнута к имперскому пути. Вторая Смута, которую условно можно назвать «модернистской», обозначила параметры российской истории Новейшего времени. Она началась с того, что посыпалась по «эффекту домино» вся старая империя, которая не справлялась с вызовами современности, не могла более, как раньше, быть движущей силой модернизации в России. Но затем были выкинуты и все либерально-демократические декорации вместе с их носителями. Они предстали

⁶ Прошлое и настоящее.

⁷ Там же.

коллективным Лжедмитрием и разделили его судьбу. В итоге появилась новая, еще более могучая империя — Советский Союз. Современная, «постмодернистская» Смута привела к распаду советской империи. Именно она определяет современность и ближайшее будущее России. Подводить ее итоги преждевременно. Но пока не придумано лучшего способа предсказать, что еще будет, чем припомнить то, что уже было. Судьбу каждой Смуты решает свой, а не чужой народ. Вопрос о том, каким должен быть народ в России, — бесперспективен. А вот на вопрос о том, какой не должна быть власть в России, убедительный ответ дают предыдущие смуты⁸.

По мнению кандидата исторических наук *И.В. Михайлова* (МГИМО), сегодня можно говорить о складывании «историографии российских смут». Импульс, приведший к ее формированию, был задан попытками сравнения Смутного времени XVII века, Октябрьской революции и «реформ» 1990-х гг. Некоторые авторы уже в 90-е гг. заговорили о том, что события начала XX века и его конца связаны с закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппозиций, обернувшихся революционным расколом общества. Здесь сыграла свою роль оценка Ю.М. Лотманом российской системы под углом зрения «культуры взрыва»⁹ (К тому, что сказал Михайлов в этой части своего выступления, можно добавить, что мнения, подобные идеям Лотмана, высказывались и другими исследователями, в частности *И.В. Кондаковым*. По его мнению, для России характерна коренящаяся «в ментальных глубинах» склонность к «взрывным ситуациям и состояниям», и «в постсоветский период мы вновь столкнулись со знакомым, время от времени повторяющимся в отечественной истории механизмом «Смуты», воплощающем смысл «переходности» в истории русской, советской и российской культуры»¹⁰). Особо Михайлов выделил позицию *А.С. Ахиезера*, *И.М. Клямкина*, *И.Г. Яковенко*, которые связали четыре «катастрофы русской истории» с последовательной гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности. Главными причинами этих катастроф являлись «социокультурный раскол» и «манихейский тип» российской цивилизации. В свою очередь, Соловей объявил смуты «локомотивами» «успешной» русской истории. Примечательно, что, отмечая «метафизический» характер российских смут, он утверждает, что их результатом являлась «смена социокультурной русской традиции». Наиболее основательно, по мнению докладчика, подошел к изучению российских смут *Булдаков*, показавший, что каждая из них проходит несколько стадий: этичес-

⁸ Прошлое и настоящее.

⁹ Там же.

¹⁰ *Кондаков И.В.* «Смута»: эпохи «безвременья» в истории России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 56.

кую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную.

Одним из центральных теоретических вопросов дискуссии был вопрос о соотношении понятий «Смута» и «революция». В ходе обсуждения выявились различные подходы к решению вопроса о соотношении понятий «Смута» и «революция».

Первая точка зрения была представлена в выступлениях *Славина, Шейниса* и отчасти *Булдакова*.

По мнению *Шейниса*, понятие «Смута» — это во многом художественный образ. *Славин* считает, что этот образ создается властью, когда она теряет свое господство. А одна из дефиниций, звучавших в выступлениях *Булдакова*, сводится к тому, что понятие «Смута» можно понимать как метафору, отражающую тотальное непонимание происходящего, включая испуг перед содеянным.

Вторая точка зрения была представлена в выступлении *Соловья*, по мнению которого разница между такими понятиями, как «Смута», «революция», «крестьянская война», «мятеж» и «бунт», вообще весьма сомнительна.

Третья точка зрения нашла свое отражение в выступлениях *Колганова, Михайлова, Марченя, Булдакова* и др.

Так, по мнению главного редактора журнала «Вестник архивиста» *И.А. Анфертьева*, революция уничтожает препятствия на пути прогресса, кардинальным образом изменяет всю жизнь общества. При этом прежние государственные и общественные институты ликвидируются навсегда. В результате Смуты социально-политический строй сохраняется, государственные институты остаются¹¹. *Колганов* считает, что революция не всегда сопровождается Смутой, а Смута не всегда выливается в революцию. В выступлении *Михайлова* прозвучала мысль о том, что понятия «Смута» и «революция» не только не тождественны друг другу, но и характеризуют явления и процессы, относящиеся к разным эпохам, к разным парадигмам исторического развития. На его взгляд, имеет смысл выделять смуты Средневековья и революции эпохи Модерна¹². Соглашаясь с *Михайловым*, *Булдаков* подчеркнул, что противостояние понятий «Смута» и «революция» имеет глубокую культурно-историческую природу. Смута — архаичное явление, а революция — порождение Модерна. По мнению ведущего «круглого стола», логическое отличие Смуты от революции — в гипертрофированности эмоционального и приглушенности рационального компонента. В Смуте людьми движет не разум, а инстинкты, не программы, а утопии. Смута — это хаос¹³. К тому, что сказал ведущий, можно добавить еще одно его же определе-

¹¹ *Кондаков И.В.* Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ние, согласно которому Смута — это «синергетический, а не революционно-эволюционный процесс»¹⁴. *Марченя* в своем выступлении выдвинул идею, согласно которой Смута может рассматриваться как исключительно имперский феномен. Революции могут происходить в любых государствах, а смуты являются болезнями империй. Смута может закончиться, а может и не закончиться революцией. Чисто теоретически, можно представить себе революцию и без Смуты. Но только не в России. Империя предполагает наличие всемирно значимой Идеи, которая консолидирует власть и массы, превращая их в единый субъект истории, осознающий свою миссию. «Империя» представляет особую форму единения власти и народа, и с этой точки зрения Россия — Империя и сегодня. Отвечая на вопрос, что же такое «Смута», *Марченя* выделил несколько подходов. С точки зрения социологического функционализма, Смута есть стихийный процесс бегства от дисфункции власти к эвфункции власти. В русле органического подхода Смута является иммунной реакцией имперского организма, процессом отторжения чужеродных элементов (временщиков, самозванцев, наносных вестернизированных декораций, искусственно имплантируемых прозападнической элитой) и возвращения к собственным культурным смыслам, к родной, патерналистской власти. С позиции макро- или метаистории Смута — процесс, который развивается по логике: от империи, потерявшей право называться с большой буквы, к *Империи*, которая вновь претендует на то, чтобы ее писали с заглавной¹⁵. Подход *Марченя* перекликается с позицией *Михайлова*, который считает, что проблематика российских смут связана с осмыслением особенностей российского имперского комплекса. В том же ключе неоднократно высказывался и *Булдаков*: «Речь во всех случаях идет именно об Империи — последнюю следует понимать в терминах культуры и цивилизации, а не только геополитики»¹⁶.

Важное место в дискуссии занял вопрос о роли политических элит и масс в перестройке и других переходных периодах отечественной истории.

По мнению доктора исторических наук *А.В. Чертищева* (Московский университет МВД России), исследование революций и смут невозможно без изучения отношения масс к тем идеям и лозунгам, которые предлагают им политические элиты. В этом с ним солидарны многие исследователи, считающие, что именно массовое сознание является социокультурной доминантой смут и революций в России и решающим

¹⁴ Российские смуты. С. 43—44.

¹⁵ Прошлое и настоящее. См. также: *Марченя П.* Империя, партии и массы в русской Смуте (февраль—октябрь 1917 г.) // *Власть*. 2010. № 3. С. 105—110; *Разин С.* Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // *Власть*. 2009. № 2. С. 106—110.

¹⁶ Российские смуты. С. 32.

фактором победы той или иной политической силы¹⁷. Участники дискуссии в целом согласились с тем, что важнейшим фактором, провоцирующим повторяемость системных кризисов в отечественной истории, является сохраняющийся и сегодня социокультурный раскол российского общества, разрыв коммуникаций между политической элитой и большинством населения страны. *Булдаков*, рассуждая о событиях 1917 г., отметил, что российская элита пребывала в ином культурно-историческом измерении, нежели народные массы. Поэтому вряд ли стоит обольщаться относительно соответствия политических программ чаяниям большинства. В выступлениях *Соловья* и *Колганова* прозвучала мысль о том, что победа революции невозможна без мобилизации масс, без союза между определенными группами элиты и массами. Каков механизм этой мобилизации? По мнению *С.Ю. Разина*, убедительный ответ на этот вопрос дает история отечественной многопартийности. Он считает, что ее следует рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской Смуты. Само существование такой «многопартийной системы» противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце XX века многопартийность сыграла разрушительную роль политической «антисистемы», которая воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век формы Империи. Преодоление современной российской Смуты неминуемо приведет к ликвидации многопартийности. Убедительным подтверждением этого тезиса является исторический опыт Русской революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры. Такой исход оказался возможен потому, что большевики, предложив массам адекватные их сознанию модели власти и сформулировав новый вариант Имперской Идеи, вышли за рамки формальной партийности и стали, по словам Л.Д. Троцкого, «головным выражением национальной стихии». Схожую мысль в своем выступлении сформулировал доктор исторических наук *В.Т. Логинов* (университет РАО). По его мнению, именно выбор народа всегда определял вектор исторического развития страны. В свое время П.А. Сорокин сформулировал несколько условий успешности реформ. Главное из них — реформы должны соответствовать менталитету народа. Из-за несоответствия народному менталитету потерпели неудачу реформа 1861 г., аграрная реформа Столыпина, коллективизация и реформы 1990-х гг. Соответствие ему предопределило успех Декрета о земле 1917 г. и НЭПа.

¹⁷ См., например: *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 году: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 64–78; *Разин С.Ю.* Политические партии и массовое сознание в русской революции (на материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний в 1905–1907 и 1917 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 3. С. 34–42 (Сер.: История России).

Важное место в выступлениях занял вопрос о причинах системных кризисов российского общества.

В свое время академик Ю.С. Пивоваров писал о том, что слово «власть» «ключевое для русской культуры»¹⁸. По его мнению, «русская система» — это «властесцентричная культура». *Русская власть* есть «главный деятель и делатель нашей истории; она предельная ценность, целеполагание и сосредоточие всей русской системы»¹⁹. (От себя добавим, что власть в России — это Власть-Империя, Власть-Собственность, Власть-Земля). Она — тотальный контроль над российским социумом, над всем пространством русской истории. Она же является важнейшим фактором, провоцирующим системные кризисы российского общества. Разрушение власти приводит к разрушению системы. Революции и смуты в России — это разрушение Власти и передел Земли. Тотальность Власти предопределяет тотальность российских кризисов, захватывающих «все ментальное и психосоциальное пространство»²⁰ общества. Имперская Власть порождает Имперскую Революцию. В свое время Д.С. Мережковский очень образно описал эту взаимосвязь: «Тающая глыба самодержавия течет огненную лавою революции»²¹. Слегка перефразируя известного современного исследователя о сталинизме, как о форме Русской Власти, рожденной Русской Революцией, можно сказать, что он стал окаменевшей формой стихии русского бунта²². Алгоритм развития российских кризисов — это движение от «тающей глыбы самодержавия» к Власти, ставшей окаменевшей формой стихии русского бунта.

С этими мыслями было солидарно большинство участников «круглого стола». Доктор исторических наук *В.В. Шелохаев* (Институт общественной мысли) отметил, что анализ исторического опыта российских смут позволяет сделать вывод, согласно которому они являются производными от недееспособности исторической власти и неспособности самого общества найти адекватные ответы на вызовы времени. По мнению *Марченя*, одной из главных причин Смуты является делегитимация власти в мас-

---

¹⁸ Пивоваров Ю.С. Русская собственность, русская власть, русская мысль // Россия и современный мир. 2002. № 1. С. 31.

¹⁹ Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Материалы «круглого стола». М.: РГГУ, 2007. С. 53. См. также: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система: генезис, структура, функционирование // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3. С. 13—96; Фурсов А.И. Феномен русской власти: преемственность и изменение: Материалы науч. семинара. Вып. 3. М., 2008. С. 10—59.

²⁰ Булдаков В.П. Сравнительная психодинамика кризисов XX в. в России // Судьба России: вектор перемен: материалы междунар. науч. конф. М., 2007. http://www.ural-yeltsin.ru/knigi/rossija_na_rubezhe/document632/.

²¹ Цит. по: Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // ПОЛИС (Политические исследования). 2006. № 1. <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm>.

²² Кантор В.К. Стихия и цивилизация: два фактора «русской судьбы» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 28.

совом сознании. Он подчеркнул, что свой народ, в отличие от власти, не выбирают. И если народ достаточно четко воспринимает власть как «не свою» Смута неизбежна. Существуют определенные маркеры, позволяющие, применительно к России, совершить процедуру демаркации между властью «своей» и «чужой» (метафункциональность служения — субфункциональность обслуживания; мессианизм — секулярность; идеократичность — безыдейность; централизованность — раздробленность; авторитарность — компромиссность; единовластие — многовластие; патернализм — партикуляризм; иерархичность — разветвленность; «твердость» и «слабость» и др.)²³. Близкую по смыслу идею высказала в своем выступлении кандидат исторических наук *Е.В. Павлова* (Самара), назвавшая важнейшей причиной российской Смуты десакрализацию власти. По ее мнению, применительно к российской Смуте начала XX века, можно говорить о том, что симптомы десакрализации царской власти обозначились еще в первой половине XIX века. *Колганов* в своем выступлении обратил внимание на то, что для начала революций и смут характерна «слепота власти», которая в упор не видит насущных проблем. Его поддержал *Будakov*. По его мнению, власть в известные периоды действительно слепнет, не видит совершенно очевидного. Он напомнил, что сценарий 1917 г. был предсказан еще в 1914–1915 гг. Власть не нашла в себе сил на адекватные действия. Развал СССР также был предсказан еще в 70-е гг. целым рядом советологов (Р. Пайпс, Х. Сетон-Уотсон, Э. Каррер д'Анкосс) и отечественными диссидентами. Чтобы «увести» от Смуты, требуется соответствующий тип лидерства. Система не смогла его предложить. Течение Смуты предполагает ротацию харизматических лидеров. На смену Керенскому не случайно пришел Ленин. На месте Горбачева не случайно оказался Ельцин. Сегодня мы забываем о былой «горбо- и «ельциномании». Говоря о современной власти, он отметил, что она занималась и занимается самообеспечением, самообслуживанием. Потому не случайно, что она не в состоянии предложить какую-то консолидирующую и мобилизующую идею. В выступлениях *Соловья* и *Будакова* был затронут вопрос о роли демографических и миграционных факторов в возникновении и развитии российских революций и смут. *Соловей* отметил, что в начале XX века доля молодежи в возрасте до 20 лет составляла 48% от общей численности населения европейской России. Дж. Голдстоуном установлено, что революция может произойти тогда, когда доля молодежи от общей численности населения превышает 25%. Если она превышает 40%, то революция становится неизбежной. При этом необходимо учитывать, что Россия никогда не была колониальной империей, и поэтому у нее не было возможности избавиться от этого своеобразного переизбытка биологически и социально активного насе-

²³ Кантор В.К. Указ. соч.

ления²⁴. Сегодня мы наблюдаем обратный процесс — старение населения страны. Сейчас в России нет достаточного количества пассионарной молодежи, необходимого для начала второй волны современной революции. С этой позицией согласился *Булдаков*, отметивший, что Смута — это еще и очень мощные миграционные процессы. На его взгляд, революциям и смутам действительно предшествует гомоэнергетическое перенасыщение социального пространства. Но сегодня оно отсутствует. Более того, наблюдается полный упадок всяческих сил.

В ряде выступлений особое внимание было обращено на ту роль, которую играет в возникновении и развитии системных кризисов т.н. «правовой нигилизм» большинства населения России. В ходе дискуссии проявились два подхода к определению понятия «правовой нигилизм». Первый подход, согласно которому правовой нигилизм это отрицание права вообще, нашел свое выражение в выступлении доктора юридических наук, вице-президента Гильдии российских адвокатов *С.С. Юрьева*. По мнению Юрьева, правовой нигилизм, понятый именно в таком контексте, пренебрежение возможностями права и нарушение правовых норм являются важнейшими факторами любого системного кризиса. Юрьев считает, что правовой нигилизм опосредует все стадии развития системного кризиса.

Другая позиция нашла свое отражение в выступлениях *Булдакова* и *Разина*.

По мнению Булдакова, вопрос о правовом нигилизме — это часть более общей проблемы стыковки обычного и формального права. В России она так и не состоялась. В этом смысле Россия остается традиционным обществом. В свою очередь, *Разин* высказал точку зрения, согласно которой подход, обозначенный в выступлении Юрьева, носит европоцентристский характер. Он предполагает существование некоего универсального права. В рамках этого подхода страны Запада рассматриваются в качестве лидера, эталона, образца для подражания. «Незападному» миру, представляющему собой конгломерат стран и народов с «низким» по сравнению со странами Запада уровнем правосознания и правовой культуры, отводится роль аутсайдера. При этом отрицается сама возможность существования иного права. История государства и права начала XX века не укладывается в прокрустово ложе данной схемы. Политические элиты и народные массы общества существовали в разных правовых пространствах. Для первых таким пространством являлось позитивное, буржуазно-либеральное право, для вторых — крестьянское обычное право. По мнению Разина, правовой нигилизм стоит понимать как отрицание чужого права и чужого правосознания. Он солидарен с авторами, рассматривающими «правовой нигилизм» как «результат оценки одной культуры другой», когда «одно

---

²⁴ Народ и власть. Ч. 1. С. 17.

право не признает другое, оценивает его как неправо»²⁵, и в таком контексте «миф о «нигилизме» основан на нигилистичном отношении культурных агентов одной, вполне определенной цивилизации, к уникальности иных, локальных цивилизаций и самобытности их культурных ценностей»²⁶. Некоторые современные исследователи полагают, что «закон» в российской реальности как раз и не осуществляет «в своих нормах правосознание народа»²⁷. Разин поддержал точку зрения Соловья, который считает, что «мнение, будто у русских нет и никогда не было правового сознания, это непонимание специфики правового сознания русских. Для русских право — не юридическая и не философская категория, но категория сакральная»²⁸. Об этом же в свое время писал и Пивоваров, по мнению которого «русское право» существовало, но содержательно это был иной феномен»²⁹.

Смысл крестьянского бунта, который мы вслед за классиком зачастую характеризуем как «бессмысленный и беспощадный», на наш взгляд, как раз состоит в том, что он является средством и формой защиты обычного, «сакрального» Права-Правды. Русская революция начала XX в. является наглядным примером отрицания «чужого» буржуазно-либерального права³⁰. Она стала временем, когда в масштабах Империи под лозунгом «революционного правотворчества снизу» было практически реализовано крестьянское обычное право. Видный деятель кадетской партии А.С. Изгоев писал: «Когда в 1917 году разразилась вторая революция, победило общинное право, не встретив серьезного сопротивления ни в какой социальной среде. Победила та тенденция общинного права, которая стремилась раздвинуть границы общины от селения до пределов всей Империи. Общинное право, опираясь на миллионы вооруженных крестьян в серых шинелях, шло и ломало стихийно»³¹. По мнению Т. Шанина, наглядным свидетельством торжества обычного права в Русской Революции стал Земельный кодекс 1922 г., «который в главном повторил положения, закрепленные в обычном праве»³². В связи

²⁵ Невважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23—31. <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=158358>.

²⁶ Марченя П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2. С. 20—22.

²⁷ Бочаров В.В., Рябикин А.И. Обычное право в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 167.

²⁸ Новая Россия на пути к общему дому (дискуссия) // Новый мир. 1994. № 1. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/1/gorbach.html.

²⁹ Пивоваров Ю.С. Constitutional state и русское государство // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 27.

³⁰ Прошлое и настоящее.

³¹ Цит. по.: Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С. 296.

³² Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 12.

с этим Разин определяет правовой нигилизм как защитный механизм российской цивилизации, ограждающий ее от разрушительного воздействия «чужого» права.

Организаторы «круглого стола» «Народ и власть в российской Смуте» надеются, что приведенные выше размышления его участников позволят российскому обществу приблизиться к адекватному пониманию смысла и уроков российских смут. Сегодня важно создать «изоморфную» отечественной истории методологию анализа системных кризисов российского общества. Создание такой методологии неразрывно связано с отказом от использования применительно к рассмотрению отечественного исторического процесса европоцентристских подходов. Ее отсутствие является важной причиной повторяемости системных кризисов российского общества. Необходимость их осмысления и преодоления является одним из главных вызовов для политической и интеллектуальной элиты современной России³³. Без этого понимания осмысленное бытие России в мировой истории невозможно.

---

³³ См. также о конференциях, посвященных 1917 г.: *Булдаков В.П., Емельянов-Лукияничков М.А., Разин С.Ю., Соколова Ф.Х.* 1917 год в свете научных конференций // Отечественная история. 2008. № 6. С. 212–215; *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 82–83, 96–97.